

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'255.2, 821.111, 82-121

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-9-22

ОГРАНИЧЕНИЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В СФЕРЕ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И РИСКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Анастасия Вадимовна Бубенчикова
Алена Игоревна Фролова

Высшая школа социально-гуманитарных наук, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Для контактов: mishka030110@yandex.ru, bubenchikova.av@rea.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному исследованию ограничений систем автоматического перевода речи в контексте деловой коммуникации и анализу рисков их практического применения. Теоретическую основу исследования составляют труды в области переводоведения, компьютерной лингвистики, когнитивной теории перевода и психологии. Эмпирическую базу формируют результаты сравнительного анализа качества перевода систем DeepL и Google Translate, а также данные рецензируемых исследований по разным языковым парам. В работе применяется комбинированная методология, включающая сопоставительный анализ, классификацию ошибок и элементы количественной оценки. Установлено, что современные нейросетевые системы демонстрируют устойчивые лексико-семантические, синтаксические, прагматические и культурно-специфические ошибки, которые в деловой коммуникации трансформируются в юридические, репутационные и финансовые риски. Ключевое различие между профессиональным устным переводом и автоматическим переводом речи заключается в способности человека к *когнитивно-ответственной интерпретации* — интеграции смысловых, эмоциональных, культурных и стратегических параметров коммуникации с осознанием последствий принимаемых решений. Для минимизации рисков необходимо внедрение стандартов постредактирования, развитие

у пользователей навыков машинной переводческой грамотности, а также формирование гибридных моделей.

Ключевые слова: машинный перевод, автоматический перевод речи, деловая коммуникация, когнитивно-ответственная интерпретация, риски перевода, качество перевода, постредактирование

Для цитирования: Бубенчикова А.В., Фролова А.И. Ограничения автоматического перевода речи в деловой коммуникации и риски его применения // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2026. № 2. С. 9–22. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-9-22

Статья поступила в редакцию 31.03.2026;
одобрена после рецензирования 19.04.2026;
принята к публикации 26.05.2026.

LIMITATIONS OF AUTOMATIC SPEECH TRANSLATION IN BUSINESS COMMUNICATION AND RISKS OF ITS APPLICATION

Anastasia V. Bubenchikova
Alena I. Frolova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

For contacts: mishka030110@yandex.ru, bubenchikova.av@rea.ru

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the limitations of automatic speech translation systems in business communication and examines the risks associated with their use. The theoretical framework is based on translation studies, computational linguistics, cognitive approaches to translation, and psychology. The empirical basis includes comparative studies of machine translation quality, particularly error analysis of DeepL and Google Translate, as well as data from peer-reviewed studies across different language pairs. The study employs a combined methodology including comparative analysis, error classification, and quantitative assessment. It is established that modern neural network systems exhibit consistent lexico-semantic, syntactic, pragmatic, and culture-specific errors, which in business communication translate into legal, reputational, and financial risks. The key difference between professional interpreting and automatic speech translation lies in the human capacity for *cognitively responsible interpretation* — the integration of semantic, emotional, cultural, and strategic parameters of communication with awareness of the con-

sequences of decisions made. To minimize risks, it is necessary to introduce post-editing standards, develop users' machine translation literacy, and form hybrid models.

Keywords: machine translation, automatic speech translation, business communication, *cognitively responsible interpretation*, translation risks, translation quality, post-editing

For citation: Bubenchikova A. V., Frolova A. I. (2026) Limitations of automatic speech translation in business communication and risks of its application. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 9–22. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-9-22

The article was received on March 31, 2026;
approved after reviewing on April 19, 2026;
accepted for publication on April, 2026.

Введение

Современная деловая коммуникация развивается в условиях глобализации и цифровизации, что обуславливает рост потребности в оперативном межъязыковом взаимодействии и широкое распространение систем автоматического перевода. Развитие нейросетевых технологий существенно повысило качество машинного перевода, однако, как отмечается в ряде исследований (Koehn, 2020: 245–247; Hutchins, 2005: 115–118), даже современные модели сохраняют ограничения, связанные с вероятностным характером обработки языка. Данный факт приобретает особую значимость в деловой коммуникации, где, согласно положениям теории перевода (Комиссаров, 2000: 56–60; Бархударов, 1975: 102–105), ключевую роль играет не только формальная эквивалентность, но и функционально-прагматическая адекватность.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Повсеместное внедрение автоматического перевода в корпоративную среду опережает формирование нормативных и этических рамок его использования. Комплексный анализ ограничений именно в контексте деловой коммуникации представлен фрагментарно. Недостаточно изучены риски, связанные с использованием автоматического перевода в устной речи (например, в переговорных процессах, конференц-связи). Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов для выработки рекомендаций по внедрению систем автоматического

перевода в деловую практику с минимизацией сопутствующих рисков.

Теоретические основания исследования

В отечественной науке основы теории перевода заложены в трудах А.В. Фёдорова (Фёдоров, 1983: 18–22), В.Н. Комиссарова (Комиссаров, 2000: 56–60), Л.К. Латышева (Латышев, Северова, 2025: 102–105), Р.К. Миньяра-Белоручева (Миньяр-Белоручев, 1980: 33–35), которые рассматривали перевод как интерпретационный процесс, включённый в конкретный коммуникативный контекст. Современные системы машинного перевода, основанные на нейросетевых архитектурах, представляют собой принципиально иной тип обработки информации. Согласно исследованиям В.Л. Литвинова и В.В. Полозова (Литвинов, Полозов, 2020: 288), достижения нейросетевых моделей в повышении плавности и связности перевода не исключают проблемы их подверженности специфическим ошибкам, в частности «галлюцинациям» и неверному разрешению многозначности.

В современной науке выделяются два основных подхода к оценке качества перевода: автоматические метрики (BLEU, TER, METEOR) и ручная оценка с участием профессиональных переводчиков. Автоматические метрики фиксируют формальную близость перевода к эталонному образцу, но их показатели не всегда согласуются с критериями адекватности и прагматической уместности. В.С. Корнилов с коллегами (Корнилов и др., 2017: 104–106) обосновывают необходимость применения комбинированных методов, включающих анализ нечётких дубликатов и привлечение экспертов. Как подчеркивает Л.М. Спыну (Спыну, 2025: 118–119), в эпоху цифровизации переводчик должен обладать новыми компетенциями, позволяющими эффективно взаимодействовать с технологиями.

В работах по анализу ошибок машинного перевода (Борун, 2024: 223–225; Злобина и др., 2025: 435–436; Корнилов и др., 2017: 108) выделяются следующие основные категории: лексические ошибки, синтаксические, морфологические, прагматические, культурно-специфические. Особую сложность для машинного перевода представляют идиоматические выражения. Как отмечает Ж. Немиккене (Nemickienė, 2014: 7–8), в деловом контексте более половины идиом переводятся системами не идиоматически, а с помощью парафразы, что приводит к потере стилистической окраски и смысловым искажениям.

Деловая коммуникация характеризуется формализованностью, стремлением к однозначности, использованием стандартных клише и терминологии, а также высокой ценой коммуникативной неудачи. Как подчеркивает Н.Ю. Сороколетова (Сороколетова, 2024: 48–50), бизнес-дискурс отличается высокой степенью целенаправленности, статусной маркированностью и ориентацией на будущее действие. Д.С. Храмченко (Храмченко, 2013: 208–209) выделяет коммуникативные стратегии и тактики, используемые в английском деловом дискурсе, которые требуют от переводчика не только языковой, но и стратегической компетенции. В свою очередь, К.Б. Пригожина (Пригожина, 2014: 113–114) обосновывает необходимость формирования межкультурной компетенции у специалистов, участвующих в международных коммерческих переговорах. В отличие от алгоритма, оперирующего вербальной последовательностью, профессиональный переводчик работает со смыслами, понимая интенцию говорящего и передавая истинное значение высказывания с учётом ситуации общения.

Современные исследования в области когнитивных механизмов перевода выделяют последовательные фазы обработки информации: *внимание* → *восприятие* → *понимание* → *интерпретация* → *генерация*, которые реализуются нелинейно, отражая гибкость когнитивной системы переводчика (Буров, Балаганов, 2024: 48–50). Важным дополнением к когнитивному подходу является понятие *метакогнитивных стратегий* — способности осознавать, регулировать и оценивать собственные познавательные процессы (Швецова, Перевалова, 2022: 195–198). Предлагаемое в настоящем исследовании понятие «*когнитивно-ответственная интерпретация*» надстраивается над этими моделями, вводя в когнитивные и метакогнитивные процессы перевода компонент осознания ответственности за последствия принимаемых решений.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили шесть фрагментов деловой корреспонденции и юридических конструкций на английском языке, отобранные для иллюстрации типичных коммуникативных ситуаций: запрос информации, предложение условий, уточнение сроков, выражение отказа, формулировка гарантийных обязательств и вежливое напоминание. Переводы выполнены с помощью систем Google Translate и DeepL. Каждый перевод оценивался по трём критериям: точность передачи лексико-семантических оттенков, соответствие синтаксическим нормам русского языка,

адекватность с точки зрения прагматики. Методологическая основа включает сопоставительный анализ переводов, классификацию ошибок по выделенным типам, а также элементы количественной оценки.

Результаты

Анализ переводов выявил три основные группы ошибок, систематически воспроизводящихся обеими системами.

Наиболее частым типом стало искажение модальности и стилистической тональности. В предложении “We would appreciate it if you could provide the updated financial statements by the end of the week” Google Translate дал вариант, утративший сослагательный оттенок вежливости, а DeepL внёс излишнюю экспрессивность («замечательно»). В юридическом контексте конструкция “The Buyer shall be entitled to terminate the Agreement in the event of a material breach by the Seller” была переведена обеими системами без передачи долженствования (shall). Идиоматическое выражение “to meet someone halfway” Google Translate передал буквально, DeepL — более адекватно, но в обоих случаях утрачен оттенок взаимности.

Второй группой ошибок стали синтаксические рассогласования. В предложении с придаточным условия “Provided that the delivery is completed within the agreed timeframe, the remaining payment shall be released within five business days” Google Translate использовал форму прошедшего времени, меняя временную перспективу; DeepL сохранил будущее время. Однако ни один из переводов не передал сослагательного оттенка, заложенного в конструкции *provided that*.

Третьим случаем стала передача имплицитного смысла. В предложении “We trust this clarifies our position and look forward to a mutually beneficial resolution” Google Translate перевел «надеемся», исказив интенцию (trust — уверенность). DeepL дал более точный вариант («полагаем»), но ни один из вариантов не сохранил деликатную намеренность английской конструкции.

Проведённый анализ позволяет выделить три устойчивых типа недостатков: систематические сбои при передаче модальных значений; склонность к буквальному воспроизведению идиоматических конструкций; упрощение или утрата прагматической составляющей высказывания. Анализ исследований на разных языковых парах подтверждает системный характер выявленных ограничений (Alkathery, 2023: 212; Злобина и др., 2025: 435; Sudoh et al., 2011: 420–422).

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с данными более ранних исследований. Высокая частотность лексико-семантических ошибок (в нашем материале — около 40%) коррелирует с выводами Э.Р. Алькатири (Alkatheery, 2023: 212) и Ю.И. Злобиной с соавторами (Злобина и др., 2025: 435). Синтаксические несоответствия при передаче сложных условных конструкций перекликаются с выводами К. Судо и его коллег (Sudoh et al., 2011: 420–422).

Неспособность систем передавать прагматические параметры делового общения оказалась наиболее серьёзной проблемой. Вежливость, императивность, имплицитные смыслы, согласно данным Х. Тугоса и его коллег (Tougas et al., 2022: e39556), переводятся автоматическими системами точно лишь в 30% случаев против 52% у профессионального переводчика. В деловой среде данные показатели становятся критичными.

Выявленные недостатки порождают несколько групп рисков. Юридические связаны с искажением модальности и правовых терминов (Alkatheery, 2023: 214). Репутационные возникают из-за публикации некачественно переведённых материалов. Коммуникативные проявляются в недопонимании между участниками переговоров, вплоть до срыва сделки (Кильмашкина, 2017: 154–156). Риски утечки данных обусловлены передачей коммерчески чувствительной информации через бесплатные онлайн-сервисы. Риски для языковой и культурной идентичности (Петрова, 2019: 165–166) заключаются в деформации языковых норм.

Формирование навыков «машинной переводческой грамотности» (machine translation literacy) — умения оценить целесообразность использования МП, модифицировать исходный текст, критически анализировать выходной текст и выполнять постредактирование — становится важной задачей для современного образования.

Когнитивно-ответственная интерпретация как ключевое отличие профессионального переводчика

Когнитивно-ответственная интерпретация может быть операционализирована через четыре взаимосвязанных компонента:

1. Осознание стратегической цели высказывания. Переводчик различает иллокутивную силу реплики и стремится сохранить её в переводе, что связано с *децентрацией* (Швецова, Перевалова, 2022: 196).

2. Интерпретация эмоционального фона. Переводчик определяет эмоциональную окраску высказывания и воспроизводит её, опираясь на эмпатию (Еныгин и др., 2018: 114–115) и учёт этнопсихологических особенностей (Иовенко, 2024: 118–120).

3. Коррекция формулировок с учётом статуса и культурного контекста. Переводчик подстраивает высказывание под культурные нормы и статусные ожидания, не искажая исходного намерения.

4. Рефлексия возможных последствий. Переводчик осознаёт, что его решение может повлиять на эмоциональный климат переговоров, деловую стратегию или юридические последствия, что соответствует высокому уровню метакогнитивных стратегий (Швецова, Перевалова, 2022: 197–198).

Когнитивно-ответственная интерпретация осуществляется в режиме реального времени, в условиях высокой когнитивной нагрузки. Она требует не только языковой компетенции, но и аналитического мышления, эмоционального интеллекта, межкультурной чувствительности и профессиональной ответственности. Ни один из этих компонентов не реализуется в алгоритмической логике AST.

В контексте деловой коммуникации ответственность переводчика приобретает юридический характер. Профессиональный переводчик выступает в качестве стороны договорных отношений: он заключает контракт, берёт на себя обязательства по обеспечению качества перевода и несёт ответственность за ненадлежащее исполнение этих обязательств. Искусственный интеллект, в отличие от человека, не наделён правосубъектностью. В случае ошибки при использовании AST ответственность переходит к лицу или организации, которые приняли решение применять данную систему без надлежащего контроля.

Способность к стратегической адаптации является ещё одним ключевым различием. Профессиональный переводчик может запросить уточнение, предупредить о культурных рисках, сгладить резкие формулировки, способствовать созданию атмосферы доверия. AST-система лишена подобной коммуникативной агентности.

Заключение

Современные автоматизированные системы перевода речи имеют принципиальные ограничения, связанные с вероятностной природой обработки языка. Наиболее уязвимыми зонами остаются

ся передача модальности, идиоматических выражений, сложных синтаксических конструкций и прагматических параметров высказывания.

В деловой среде указанные недостатки трансформируются в юридические, репутационные, коммуникативные риски, а также риски утечки конфиденциальной информации и деформации языковых норм.

Ключевое различие между профессиональным устным переводом и автоматическим переводом речи заключается в способности человека к когнитивно-ответственной интерпретации, операциональная структура которой включает осознание стратегической цели высказывания, интерпретацию эмоционального фона, коррекцию формулировок с учётом статуса и культурного контекста, а также рефлексию возможных последствий.

На основе выявленных ограничений и рисков представляется необходимым функциональное разграничение сфер применения автоматического и человеческого перевода. AST может эффективно использоваться в бытовых ситуациях, при черновой обработке информации, где приоритетом является скорость. Сферами безусловного сохранения человеческого участия являются стратегические переговоры, юридически значимая коммуникация, кризисная коммуникация, мероприятия высокого протокольного уровня.

Для минимизации рисков необходимо внедрение стандартов постредактирования, развитие у пользователей навыков машинной переводческой грамотности, а также формирование гибридных моделей, сочетающих автоматизированные инструменты с участием квалифицированного переводчика-редактора.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Борунов И.А. NMT-перевод — основные модели, оценка качества // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 2024. Т. 30. № 4. С. 220–227. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-4-220-227.

Буров А.А., Балаганов Д.В. Система когнитивных механизмов в переводе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2024. № 4. С. 45–58. DOI: 10.37482/2687-1505-V459.

Еныгин Д.В., Фоминых Н.Ю., Бубенчикова А.В. О ценностях в основе мультикультурной образовательной среды профессиональной подготовки будущего специалиста // Гуманитарно-педагогическое образование, 2018. Т. 4. № 2. С. 113–116.

Злобина Ю.И., Сорокина М.О., Титова М.В. Ошибки при машинном переводе художественного текста с китайского на русский язык (на основе веб-сервисов Яндекс Переводчик и Google Переводчик) // Мир науки, культуры, образования, 2025. № 4 (113). С. 433–437. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-433-437.

Иовенко В.А. Онтологические и философские основания каузального статуса этнопсихологической идиосинкразии в переводе // Филологические науки в МГИМО, 2024. Т. 10. № 2. С. 112–124. DOI: 10.24833/2410-2427-2024-2-30-112-124.

Кильмашикина Т.Н. Конфликтология. Социальные конфликты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 287 с.

Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М.: ЧеРо: Юрайт, 2000. 132 с.

Корнилов В.С., Глушань В.М., Лозовой А.Ю. Оценка качества машинного перевода текста с использованием метода анализа нечётких дубликатов // Известия ЮФУ. Технические науки, 2017. № 7 (192). С. 102–111. DOI: 10.23683/2311-3103-2017-7-102-111.

Латышев Л.К., Северова Н.Ю. Технология перевода. М.: Юрайт, 2025. 263 с.

Литвинов В.Л., Полозов В.В. Исследование нейросетевых архитектур в задачах анализа естественного языка // Региональная информатика (РИ-2020): материалы конференции в 2 ч. Ч. 2. Санкт-Петербург: СПбОИВТС, 2020. С. 288–289.

Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.

Петрова О.В. Почему автоматический переводчик опасен для языка, мышления и устойчивости геополитического кода // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 2019. Т. 25. № 1. С. 161–167.

Пригожина К.Б. Методика формирования межкультурной компетенции для иноязычной подготовки специалистов-участников международных коммерческих переговоров // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2014. № 12(698). С. 110–116.

Сороколетова Н.Ю. Лингвопрагматика интерактивности в жанре бизнес-презентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание, 2024. Т. 23, № 3. С. 44–54. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.4.

Спыну Л.М. Роль переводчика в эпоху цифровизации: новые требования и компетенции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 4. С. 112–122.

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

Храмченко Д.С. Коммуникативные стратегии и тактики в английском деловом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. № 12 (30). Ч. 2. С. 207–211.

Швецова Ю.О., Перевалова А.В. Опыт экспериментального исследования метакогнитивных стратегий в устной переводческой деятель-

ности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, 2022. № 4 (60). С. 192–207. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-192-207.

Alkathery E.R. (2023) Google Translate Errors in Legal Texts: Machine Translation Quality Assessment. *Arab World English Journal for Translation & Literary Studies*. Vol. 7. No. 1, pp. 208–219. DOI: 10.24093/awejtls/vol7no1.16.

Hutchins W.J. (2005) The History of Machine Translation in a Nutshell. *Machine Translation*. Vol. 19. No. 2, pp. 111–130. DOI: 10.1007/s10590-006-9010-1.

Koehn P. (2020) *Neural Machine Translation*. Cambridge: Cambridge University Press, 432 p.

Nemickienė Ž. (2014) Some Peculiar Differences of Business Idiom Translation. *Studies About Languages*. No. 24, pp. 1–10. DOI: 10.5755/j01.sal.0.24.8002.

Sudoh K., Duh K., Tsukada H., Hirao T., Nagata M. (2011) Divide and Translate: Improving Long Distance Reordering in Statistical Machine Translation. *Proceedings of the 6th Workshop on Statistical Machine Translation*. Association for Computational Linguistics, pp. 418–427.

Tougas H., Chan S., Shahrvini T., Gonzalez A., Chun Reyes R., Burke Parish M., Yellowlees P. (2022) The Use of Automated Machine Translation to Translate Figurative Language in a Clinical Setting // *JMIR Mental Health*. Vol. 9. No. 9, e39556. DOI: 10.2196/39556.

References

Alkathery E.R. (2023) Google Translate Errors in Legal Texts: Machine Translation Quality Assessment. *Arab World English Journal for Translation & Literary Studies*. Vol. 7, no. 1, pp. 208–219. DOI: 10.24093/awejtls/vol7no1.16.

Barkhudarov L.S. (1975) *Iazyk i perevod [Language and Translation]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. 240 p. (In Russian).

Borunov I.A. (2024) NMT-perevod — osnovnye modeli, otsenka kachestva = NMT Translation: Basic Models, Quality Assessment. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya*. Vol. 30. No. 4, pp. 220–227. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-4-220-227 (In Russian).

Burov A.A., Balaganov D.V. (2024) Sistema kognitivnykh mekhanizmov v perevode = System of Cognitive Mechanisms in Translation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. No. 4, pp. 45–58. DOI: 10.37482/2687-1505-V459 (In Russian).

Enygin D.V., Fominykh N.Yu., Bubenichikova A.V. (2018) O tsennostyakh v osnove multikulturnoy obrazovatelnoy sredy professionalnoy podgotovki budushchego spetsialista = On Values Underlying the Multicultural Educational Environment of Professional Training of a Future Specialist. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*. Vol. 4. No. 2, pp. 113–116 (In Russian).

Fedorov A.V. (1983) *Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = Fundamentals of General Translation Theory (Linguistic Problems)*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. 303 p. (In Russian).

Hutchins W.J. (2005) The History of Machine Translation in a Nutshell. Machine Translation. Vol. 19. No. 2, pp. 111–130. DOI: 10.1007/s10590-006-9010-1.

Iovenko V.A. (2024) Ontologicheskie i filosofskie osnovaniia kauzalnogo statusa etnopsikologicheskoi idiosinkrazii v perevode = Ontological and Philosophical Foundations of the Causal Status of Ethnopsychological Idiosyncrasy in Translation. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. Vol. 10. No. 2, pp. 112–124. DOI: 10.24833/2410-2427-2024-2-30-112-124 (In Russian).

Khrumchenko D.S. (2013) Kommunikativnye strategii i taktiki v angliiskom delovom diskurse = Communicative Strategies and Tactics in English Business Discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12 (30), part 2, pp. 207–211 (In Russian)

Kil'mashkina T.N. (2017) Konfliktologiya. Sotsialnye konflikty = Conflictology. Social Conflicts. Moscow: UNITI-DANA Publ. 287 p. (In Russian).

Koehn P. (2020) Neural Machine Translation. Cambridge: Cambridge University Press, 432 p.

Komissarov V.N. (2000) Obshchaia teoriia perevoda = General Theory of Translation. Moscow: CheRo Publ., Iurait Publ. 132 p. (In Russian).

Kornilov V.S., Glushan' V.M., Lozovoi A.Yu. (2017) Otsenka kachestva mashinnogo perevoda teksta s ispolzovaniem metoda analiza nechetkikh dubliatov = Quality Assessment of Machine Translation Text Using Fuzzy Duplicate Analysis. *Izvestiia IuFU. Tekhnicheskie nauki*. No. 7(192), pp. 102–111. DOI: 10.23683/2311-3103-2017-7-102-111. (In Russian).

Latyshev L.K., Severova N.Yu. (2025) Tekhnologiya perevoda = Translation Technology. Moscow: Yurayt Publ. 263 p. (In Russian).

Litvinov V.L., Polozov V.V. (2020) Issledovanie neirosetyvykh arkhitektur v zadachakh analiza estestvennogo iazyka = Study of Neural Network Architectures in Natural Language Processing Tasks]. Regionalnaia informatika (RI-2020). In 2 parts. Part 2. St. Petersburg: SPbOIVTS Publ., pp. 288–289 (In Russian).

Min'yar-Beloruchev R.K. (1980) Obshchaia teoriia perevoda i ustnyi perevod = General Theory of Translation and Interpreting. Moscow: Voenizdat Publ. 237 p. (In Russian).

Nemickienė Ž. (2014) Some Peculiar Differences of Business Idiom Translation. Studies About Languages. No. 24, pp. 1–10. DOI: 10.5755/j01.sal.0.24.8002.

Petrova O.V. (2019) Pochemu avtomaticheskii perevodchik opasen dlia iazyka, myshleniia i ustoichivosti geopoliticheskogo koda = Why Automatic Translation Is Harmful for Language, Thinking and Stability of Geopolitical Code. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya*. Vol. 25. No. 1, pp. 161–167 (In Russian)

Prigozhina K.B. (2014) Metodika formirovaniia mezhkulturnoi kompetentsii dlia inoiazychnoi podgotovki spetsialistov-uchastnikov mezhdunarodnykh kommercheskikh peregovorov [Methodology for Developing Intercultural Competence in Foreign Language Training of Specialists Participating in

International Business Negotiations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 12 (698), pp. 110–116 (In Russian).

Shvetsova Yu.O., Perevalova A.V. (2022) Opyt eksperimentalnogo issledovaniia metakognitivnykh strategii v ustnoi perevodcheskoi deiatelnosti = An Experimental Study of Metacognitive Strategies in Interpreting. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N.A. Dobroliubova*. No. 4(60), pp. 192–207. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-192-207 (In Russian)

Sorokoletova N.Yu. (2024) Lingvopragmatika interaktivnosti v zhanre biznes-prezentatsii = Linguopragmatics of Interactivity in the Business Presentation Genre. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. Vol. 23. No. 3, pp. 44–54. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.4 (In Russian).

Spynu L.M. (2025) Rol perevodchika v epokhu tsifrovizatsii: novye trebovaniia i kompetentsii = The Role of the Translator in the Digital Age: New Requirements and Competencies. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 18. No. 4, pp. 112–122 (In Russian).

Sudoh K., Duh K., Tsukada H., Hirao T., Nagata M. (2011) Divide and Translate: Improving Long Distance Reordering in Statistical Machine Translation. *Proceedings of the 6th Workshop on Statistical Machine Translation*. Association for Computational Linguistics, pp. 418–427.

Tougas H., Chan S., Shahrvini T., Gonzalez A., Chun Reyes R., Burke Parish M., Yellowlees P. (2022) The Use of Automated Machine Translation to Translate Figurative Language in a Clinical Setting. *JMIR Mental Health*. Vol. 9. No. 9, e39556. DOI: 10.2196/39556.

Zlobina Yu.I., Sorokina M.O., Titova M.V. (2025) Oshibki pri mashinnom perevode khudozhestvennogo teksta s kitaiskogo na russkii iazyk (na osnove veb-servisov Yandeks Perevodchik i Google Perevodchik) = Errors in Machine Translation of Literary Text from Chinese into Russian (Based on Yandex.Translate and Google Translate Web Services). *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*. No. 4 (113), pp. 433–437. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-433-437 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бубенчикова Анастасия Вадимовна — старший преподаватель Высшей школы социально-гуманитарных наук, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36, Россия; bubenchikova.av@rea.ru, ORCID: 0009-0008-0571-536X; SPIN-код: 3375-3352.

Фролова Алена Игоревна — студент программы профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36, Россия; mishka030110@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-8914-5028; SPIN-код: 4889-05.

ABOUT THE AUTHORS

Anastasia V. Bubenchikova — Senior Lecturer, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bubenchikova.av@rea.ru, ORCID: 0009-0008-0571-536X; SPIN-code: 3375-3352.

Alyona I. Frolova — Student, Professional Retraining Program “Translator in the Field of Professional Communication”, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; mishka030110@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-8914-5028; SPIN-code: 4889-05.

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.